

3.5. ХОЗЯЙСТВО РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ И НАСЕЛЕНИЕ

В. П. Семенов-Тянь-Шанский практически ничего не пишет об экономической базе села, что резко контрастирует с его подходом к изучению городов. Тем не менее, мы сочли, что картина сельской России была бы неполной без понимания того, что в ней — результат многочисленных новаций, а что уходит корнями в деревню начала века, проявляясь с удивительным упорством вновь и вновь. Преемственность в сельской местности проявляется в пространстве и тесно связана с расселением.

За сто лет в сельском хозяйстве России сменились как минимум три уклада. Начало века застало сочетание мелкотоварного крестьянского хозяйства с помещичьим. Затем — колхозно-совхозная система с личным подсобным хозяйством населения, ключевым для его выживания. В 90-х гг. острый кризис коллективных хозяйств сопровождался усилением крестьянского подворья, куда более значимым, чем провозглашенная фермеризация. Переходы от уклада к укладу были быстрыми, революционными, что не могло не сказаться на всем обществе, в том числе и на расселении.

Аграрная Россия в начале XX века¹

Даниэл Торнер (1992) выделяет 5 критериев крестьянской аграрной экономики, которым Россия на рубеже XX в. вполне соответствовала.

По переписи населения 1897 г. 87% населения жило в деревне (Россия. Энциклопедический словарь., 1898, с. 106–127).

Три четверти трудоспособного населения было занято целиком или частично в сельскохозяйственном производстве.

Феодальное дворянское землевладение было уже ослаблено, а частнокапиталистический сектор еще не окреп: из 395 млн десятин в Европейской России общинные наделы составляли 138 млн, земли казны — 154 млн, а частные — всего 101 млн десятин, из них половина принадлежала крестьянам, а половина (13% всех сельскохозяйственных земель) — помещикам. При этом 83% их владений были невелики, до 500 десятин (Россия, 1995; Ленин, 1918).

¹ См. Ioffe, Nefedova, 1997.

Между городом и деревней были существенные различия, крестьяне представляли собой подчиненное сословие.

Основу агропроизводства составляли семейные крестьянские хозяйства, дававшие к началу века 80% зерна, подавляющую часть льна и картофеля. Лишь сахарную свеклу выращивали в относительно крупных помещичьих хозяйствах.

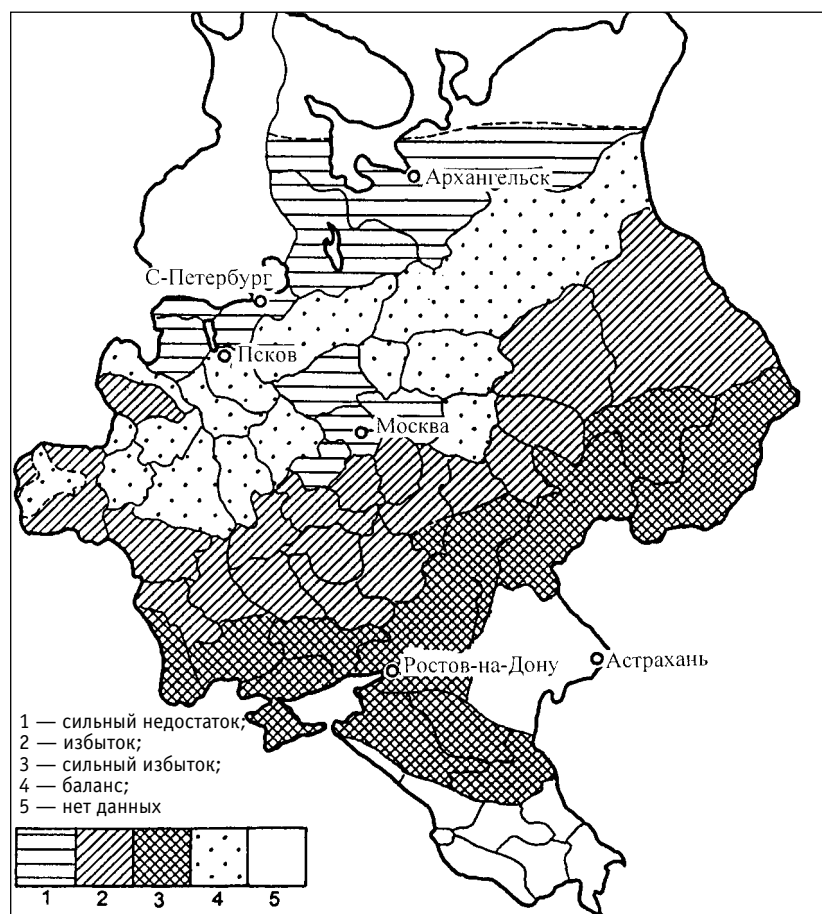
В России, по сравнению с другими северными странами (скандинавскими, Канадой) ядро заселения и сельскохозяйственного освоения сдвинуты на север страны в области с суровыми природными условиями, что обусловлено длительной монголо-татарской угрозой степным и лесостепным зонам, а также с «лесной осью» русской колонизации восточных земель (Стрелецкий, 1999). С этой географической особенностью связаны последствия и для аграрного производства: отсутствие вследствие капризов природы устойчивой корреляции между затратами труда и получаемым результатом. Некоторые авторы выводят отсюда черты русского характера и даже ход исторического развития (Ключевский, 1993, т. 1, с. 48–58; Милов, 1998, с. 385–482 и др.). Не втягиваясь в спор об истоках российского менталитета, отметим, что помимо тривиального утверждения, что природные условия породили сильную географическую дифференциацию сельской местности, они также сказывались если не на общем ходе развития, то на результатах, часто неожиданных, тех или иных решений властей.

При слабовыраженном разделении занятий на селе, в стране все же сложилось географическое разделение труда. Зерно сеяли всюду, но выделялись северный пояс с развивающейся промышленностью, где его не хватало, и южная товарная, в том числе хлебозэкспортная зона (**рис. 3.5.1**). Это не означало, что в России были большие излишки зерна. Товарный хлеб составлял всего 26%, т. е. три четверти зерна крестьяне потребляли сами. Его производство на душу населения составляло в конце XIX — начале XX века 400–700 кг, в то время как в импортирующих зерно европейских странах оно было ненамного меньше (300–500 кг). Второй крупный экспортер — США (4 млн тонн в 1909–1913 гг. против 10 млн тонн экспорта у России) — производил 900–1100 кг зерна на душу населения (Миронов, 1991, с. 150). Свою славу главного мирового экспортера зерна в начале века Россия завоевала за счет недоедания собственного населения и малого количества собственных городов, которые надо было кормить.

В то же время в России было аграрное перенаселение, причем в основном в староосвоенных районах (**рис. 3.5.2**). Там, по выборочным расчетам А. В. Чаянова о распределении времени и степени напряженности работы, треть деревни составляли по существу «лишние руки» (Чаянов, 1989, с. 237). Это способствовало развитию сельских кустарных промыслов и отходничества, особенно в Нечерноземье, где Москва и Петербург были самыми мощными притягательными центрами (**рис. 3.5.3**). Это постепенно готовило крестьян к переселению в города, хотя сословный строй его сдерживал.

Перенаселенность деревни влияла на психологию крестьян. А. В. Чаянов в монографии «Организация крестьянского хозяйства» (1924) вывел модель трудовой организации в российской деревне, резко отличную от западной. Для крестьян были важны не выработка (и заработок) каждого работника, а занятость всех членов семьи и ее общий

Рис. 3.5.1. Районы избытков и недостатков зерна в 1913 г.

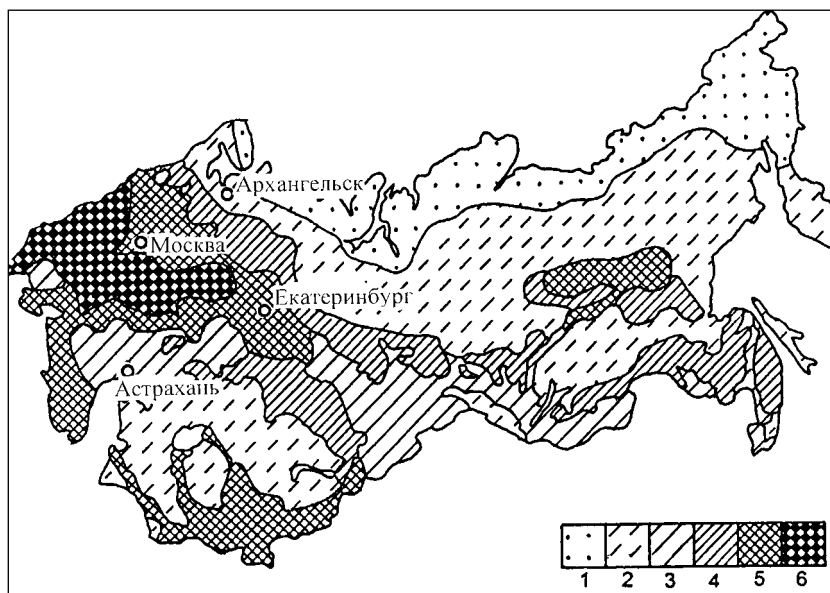

Источник: Экономическая география, 1929, с. 359.

доход². Вместе с общинными традициями такое пренебрежение к личной производительности труда и эффективности индивидуальной работы имело важные культурологические последствия для России в целом.

² Приведем простой пример из книги А. В. Чаянова (1989, с. 263–282). Производство овса на одной десятине в Волоколамском уезде требует 22 рабочих дня и дает 46 рублей дохода. Для выращивания льна нужно 83 дня, что дает доход 91 рубль. Замена овса льном повышает общую доходность хозяйства в два раза и позволяет занять всех работников, хотя производительность и оплата труда одного работника снижаются. То есть распространение льна и картофеля во многом были связаны с их трудоемкостью, позволявшей сократить безработицу.

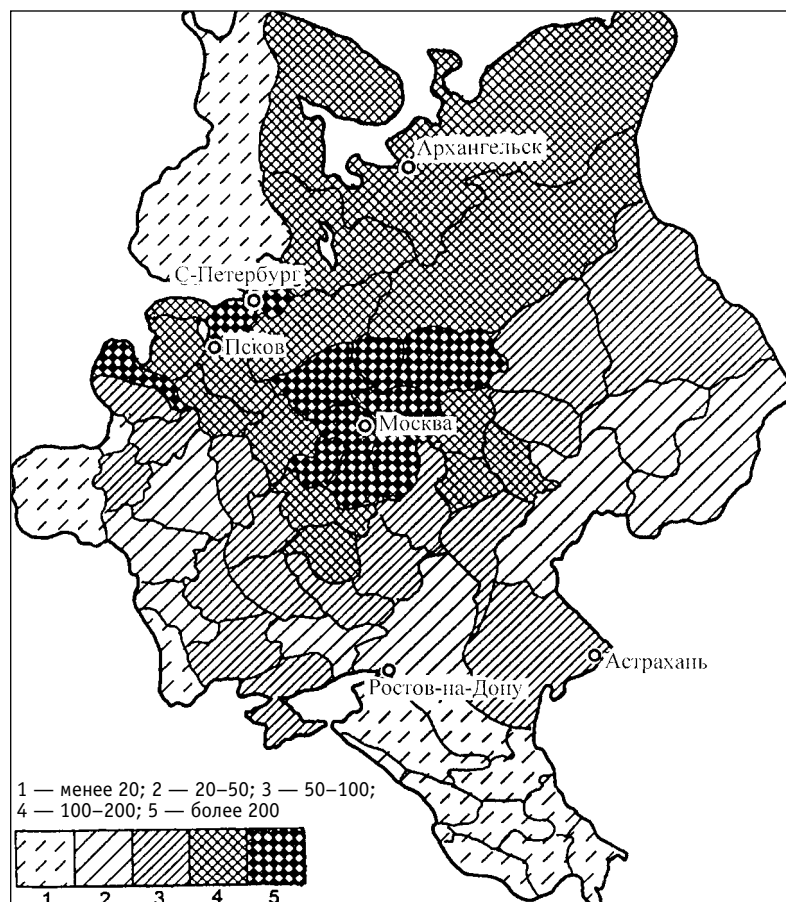
Рис. 3.5.2. Заселение в начале XX века

1 — отсутствие населения в тундре; 2 — промышленно-ремесленное редкое заселение; 3 — обжитая зона с неплотным заселением; 4 — массовое заселение; 5 — сбалансированное заселение; 6 — избыточное заселение (источник: Рыбаков, 1928)

В многоземельной колонизируемой России в отличие от многих стран Запада, где «плотное» интенсивное, часто специализированное хозяйство рождало фермерское отношение к земле как к продукту труда, земля считалась даром Божиим, на который у всех, как на воздух, права равны. Отсюда — постоянные переделы земли, которые на рубеже веков происходили в среднем раз в 6 лет. Тем самым община обеспечивала всех крестьян землей в рамках прожиточного минимума, не допуская пауперизации. Отчасти это было связано и со слабостью городов. Разорение крестьян не всегда переключало их в другую сферу деятельности, а чаще ложилось бременем на все «общество». Общинный контроль вплоть до личной зависимости крестьян ограничивал трудовую мотивацию и хозяйственную инициативу. Установки типа «отнять и поделить» и отношение к земле как к дару свыше, но не товару, оказались настолько устойчивы, что всплывали все XX столетие вплоть до мощного сопротивления современной Государственной Думе РФ и значительной части населения введению частной собственности на землю и ее купли-продажи. Это и не удивительно. Общинный уклад охватывал треть всех земель дореволюционной Европейской России, а без учета северных казенных территорий — около половины. Прадеды, деды и отцы большинства современных горожан — выходцы из общин. Горожан в третьем поколении, по оценкам, набирается лишь около $\frac{1}{6}$, а потомков дореволюционных городских сословий — совсем мало, в т. ч. в Москве — около 3% (Алексеев, Симагин, 1996).

Рис. 3.5.3. Отхожие промыслы в начале XX века. Количество выданных краткосрочных паспортов за 1906–1910 гг. на 1000 человек сельского населения

Источник: Рыбаков, 1928.

Уравнилительная общинная психология в начале века была одним из факторов устойчиво низкого уровня производительности и доходов крестьян. Например, среднее германское хозяйство имело в два раза меньше посевов и в 2,5 раза большую урожайность, чем наше черноземное, где земля от природы куда плодороднее (табл. 3.5.1). Сильно отличались и надои молока: в России в 1913 году они составляли 850 кг на одну корову, а в США — 1413 кг (Миронов, 1991, с. 152).

Таблица 3.5.1. Плотность населения, продуктивность и годовой доход аграриев европейских стран и России

Страны	Сельское население (чел.) в расчете на кв. версту посевов	Урожайность в 1901–1910 гг., пудов/десятину		Доходы, в пересчете на рубли	
		пшеницы	ржи	1894	1913
Россия, в т. ч. районы:				67	101
Средне-Черноземный	69	50	52		
Малороссийский	76	53	55		
Средневожжский	43	41	50		
Англия				273	463
Германия	142	129	110	184	292
Франция	83	90	70	233	355
Бельгия	210	153	111		

Источники: Прокопович, 1918; Рыбников, 1928, с. 66.

Уже в начале века исследователи фиксируют западно-восточный градиент падения доходности сельского хозяйства. Так, доходность 1 десятины сельскохозяйственных угодий падала в черноземной зоне от 46 и 44 руб. в Курской губернии и на Кубани соответственно до 17 руб. в Оренбургской. В нечерноземных губерниях — от 46 руб. в Тверской до 15 руб. в Южно-Уральском округе (Челинцев, 1929, с. 444).

Это отражали и схемы районирования сельского хозяйства, делившие Европейскую Россию на ячейки в соответствии с физико-географическими особенностями и различиями в эффективности землепользования. Так, А. Геттнер (1907) выделял в пределах лесной зоны: 1) Прибалтийский край с более влажным климатом, более высокой культурой и лучшими условиями сбыта, прибыльным сельским хозяйством, 2) Западную Россию с благоприятными почвенно-климатическими условиями, но более отсталой культурой, недостатком капитала и недостатком хлеба, 3) Центральную Россию со сложными климатическими условиями, примитивным земледелием, малопродуктивным сельским хозяйством и 4) Восточную часть с суровым климатом и неразвитым сельским хозяйством. На западную (с более интенсивным хозяйством) и восточную (с пониженной урожайностью и отсталой культурой земледелия) части делит он и Черноземный край. У А. Н. Челинцева (1928, с. 438) сетка из 9 сельскохозяйственных районов на первый взгляд кажется более дробной, однако по сути отражает тот же принцип: выделение северных районов, черноземных и нечерноземных земель и их дробление по степени интенсивности хозяйства.

Этим схемам соответствует и комплексное сельско-городское районирование В. П. Выделяемые им северный долинный, центральный и северо-западный водораздельный и южный долинный типы он подразделяет на западные и восточные подтипы (Город и деревня..., с. 35). Поскольку наиболее подробно он рассматривал функционирование городов, выделенные им типы и подтипы описаны в главе 2.3. Здесь мы отметим, что принцип широтно-меридиональной дифференциации территории Европейской России оказался универсальным, выявляя очень характерные различия в организации местности и функционировании хозяйства. Более того, отдельные ячейки этого районирования не только отличались друг от друга, но и находились как бы на разных траекториях и стадиях развития.

Такое разнообразие сельской местности обязано своим существованием не только природным предпосылкам, но и социально-экономическим факторам. Например, характерно было повышение плотности сельского населения, интенсивности и доходности сельского хозяйства в зонах влияния крупнейших городов. Уже в начале века в Московской губернии на единицу угодий было вдвое больше населения, чем в соседних губерниях, доходность десятины сельскохозяйственных земель составляла 86 руб., доходность от животноводства была в 2,5 раза выше, чем у соседей (Челинцев, 1924, с. 444).

А. Л. Рыбников (1928) проследил региональные различия в степени кризисности сельского хозяйства и бедности населения Европейской России с 1890 до 1920 гг. Его основные выводы: *состояние хозяйства зависело не столько от климата и плодородия почв, сколько от положения относительно рынков сбыта и демографической ситуации*. Несмотря на политические бури, разыгравшиеся на русской сцене в начале века, выделяемые им 4 группы наиболее кризисных аграрных районов довольно устойчивы:

- юго-запад (западная Украина) — с малоземельем, безработицей, отсутствием крупных городов, слабым оттоком лишнего населения;
- центрально-черноземные и средневожские губернии — с дешевизной продукции и труда при дороговизне земли для крестьян;
- Псковская, Новгородская губернии и примыкающие к ним районы Белоруссии — с очень низкой оплатой труда;
- Казанская, Симбирская, Уфимская губернии — со слабо развитым товарным хозяйством.

Гораздо благополучнее аграрные районы Прибалтики, Промышленного Центра (в зоне влияния Москвы и Нижнего Новгорода), южно-кубанские и украинские степи. В каждом из них имелись свои факторы неблагополучия, включая засухи, заболоченность, низкие цены и т. д., но они не создавали такого длительного хозяйственного угнетения, как в кризисных районах.

В целом, доходность сельскохозяйственной деятельности в 1910 г. в нечерноземных губерниях составляла 147 руб. на занятого, а в черноземных — 132 руб. Наиболее

доходным был труд в Прибалтийском и Южно-степном районе. В пределах рассматриваемой нами территории Европейской России в ее современных границах наилучшие показатели имели Северо-западный и Центрально-промышленный районы, т. е. пригородное сельское хозяйство.

Аграрная реформа П. А. Столыпина, нацеленная на передачу крестьянам их земли из общинного владения в полную собственность, продажу им помещичьих земель и переселение на свободные окраины должна была поднять производительность труда и уменьшить перенаселенность деревни в Центральной и Черноземной России. Она давала шансы прежде всего сильным, которых было, по некоторым оценкам, 10—15% (Неуслышанные голоса, 1987), но не большинству.

Формально выход из общины был возможен уже после 1861 г., но к началу 1906 г. реально это смогли сделать всего 145 тыс. хозяйств, причем большинство — до 1890 г. (Корелин, Шацилло, 1995, с. 23). Столыпинские же указы 1905–1906 гг., расчистившие практический путь к выходу из общины, по своему значению были самой настоящей «революцией сверху». За 1907–1915 гг. из общин вышло в общей сложности около 3 млн крестьянских хозяйств, то есть 22% общей численности домохозяев, владеющих землей на общинных основаниях (Корелин, Шацилло, 1995; Россия, 1995). Правда, площади наделов земли, укрепленной в собственность, составляла меньшую долю (табл. 3.5.2). Тем не менее было образовано 1,6 млн обособленных крестьянских участков хозяйств, из них около 0,3 млн хуторов и 1,3 млн отрубов. При этом большинство таких хозяйств пришлось на северо-запад, юг и юго-восток России, тогда как ее наиболее густозаселенная центральная часть, вопреки замыслу Столыпина, оказалась менее затронутой реформой.

Еще при жизни Столыпина реформы, на осуществление которых он просил у Бога и так и не получил 20 спокойных лет, пошли на спад. Община как архаическая форма

Таблица 3.5.2. Структура крестьянского землевладения Европейской России (без Прибалтики) в 1905–1915 гг., в %

Земли	1905	1915
Общин	62,9	50,4
Казачьи	9,1	9,2
Подворные	12,7	11,9
В собственности	–	8,2
Личное землевладение	8,2	10,1
Крестьянские общества и Товарищества	7,1	10,2
Всего	100,0	100,0

Источник: подсчитано по: Россия, 1995, с. 64.

организации крестьянской жизни в общем и целом устояла (суммарное количество общин в России сократилось всего-навсего с 135 до 110 тыс.) и, лишившись в лице «выделенцев» своих закоренелых внутренних врагов, качественно даже окрепла. Дальше всего и глубже всего столыпинские реформы зашли там, где общины не было или где она была исторически слаба, — например, в Сибири, в узкой полосе вдоль Транссибирской железной дороги, где действительно были достигнуты быстрые и впечатляющие результаты (Корелин, Шацилло, 1995, с. 30–32).

В целом, на общинных и частных основаниях крестьянам по сельскохозяйственной переписи 1916 г. принадлежало 89% посевной площади, они владели 95% крупного рогатого скота и свиней. Т. е. к революции Россия подошла с общинной организацией и мелкотоварным крестьянским хозяйством как резко доминирующим укладом.

Послереволюционные аграрные преобразования

Передача большевиками крестьянам сельскохозяйственных земель и их уравнительное распределение в условиях войны и разрухи «затоптали» весьма робкие ростки расслоения, вновь вызвав осереднячивание деревни и ее натурализацию. Возрожденные общины к середине 20-х гг. контролировали 95% крестьянских земель (Данилов, 1987, с. 97, 106). Товарность резко упала, а недоступность и дороговизна промышленных товаров отбивали стимулы к ее увеличению.

Все это заставило ввести НЭП — мучительную попытку совмещения командной системы с рыночной. И тем не менее, за 1921–1928 гг. сельское хозяйство развивалось самыми быстрыми темпами, производство зерна возросло более чем в 2 раза (Никонов, 1995). При относительно равных стартовых возможностях укрепились хозяйства наиболее работоспособных крестьян. Вновь началось расслоение на богатых и бедных, стихийное расселение деревень на хутора и отруба³. Проникновение рыночных отношений в деревню в период НЭПа шло активнее на западе и северо-западе в районах с мелкими селениями и чересполосицей. Естественная изоляция и удаленность поселений друг от друга способствовали более активному выходу из общины.

Развивалась «вертикальная» кооперация, когда кооперативы брали на себя сбыт, обслуживание техникой, кредитами и т. п. при сохранении самобытности крестьянских хозяйств. Именно в такой вертикальной кооперации А. В. Чаянов и другие ученые знаменитой русской аграрной школы видели будущность российской деревни (Чаянов, 1991). Однако сильнейшая централизация политической власти, ее нежелание налаживать экономические отношения с крестьянством, частые кризисы в снабжении города хлебом и нужда в средствах для быстрой индустриализации (а их в аграрной стране можно было добыть только отобрав у крестьян) — все это толкало на иной путь — путь насильственной коллективизации, претворенной в жизнь в 1930-х гг. А, так сказать,

³ Дробление земель и создание новых хозяйств, о которых мечтал в свое время Столыпин, в 20-х гг. во многом были связаны с прогрессивным налогообложением. Благодаря делению семей в годы НЭПа освобождалось от налогов на землю все больше крестьян.

теоретическим ответом ученым аграрникам стала статья Сталина «Вести деревню, насаждая колхозы и совхозы» (Сталин, 1939). Их затем репрессировали, сам Чаянов был расстрелян в 1938 г.

Коллективизацию по-сталински облегчала отмена частной собственности на землю еще декретом о земле 1917 года, согласно которому «право частной собственности на землю отменяется навсегда. Земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо иным способом отчуждаема». Земельный кодекс 1922 г. закрепил полную и вечную отмену частной собственности на землю, но разрешил крестьянам арендовать ее. В 30-х гг. была полностью запрещена и трудовая аренда земли. Коллективизация жестоко расправилась с хуторской и отрубной системами, а самые лучшие и зажиточные крестьяне в большинстве были «раскулачены»⁴.

Эпоху колхозного строя можно разделить пополам: 1930–60 гг. и 1960–90 гг. (Трейвиш, 1999). В первой половине — стратегия выжимания соков из сельского хозяйства, пустых трудодней, но с личными подворьями, оставленными для самопрокорма. Во второй — попытка «подтянуть» крестьян до наемных рабочих.

Колхозы, призванные покончить с патриархальным крестьянством, создали некую новую общность и сельскую экономику, сочетающую общинные принципы с новым крепостничеством (до 1970-х гг. у колхозников не было даже паспортов). Коллективизация сопровождалась резким падением производства. По урожайности многих культур колхозы подошли к уровню 1913 г. только в 1940, но и тогда по зерновым (8,9 ц/га) она была вдвое ниже, чем в восточноевропейских странах, и втрое ниже, чем в Западной Европе. Производство зерна на душу населения в 1940 г. по сравнению с 1913 г. упало. Потеряв в производстве продукции, большевики ввели жесточайший контроль за ее распределением. Это не уберегло от продовольственных кризисов. Апофеозом был голод 1933 г., резко сокративший население самых плодородных районов и вызванный не недородом, а организованным государством, отобравшим у крестьян хлеб.

В 1928 г. 96% посевных площадей находилось в пользовании единоличных крестьянских хозяйств. В 1940 г. колхозы контролировали 86% посевных площадей, совхозы — 10%. Правда, мяса они давали мало — всего 30%. К 1958 году в личном пользовании крестьян оставалось менее 2% земель (Народное хозяйство РСФСР, 1959, с. 225). По расчетам А. А. Никонова, 83% своего рабочего времени крестьяне отдавали общественному хозяйству, от которого получали лишь 20% суммарного дохода, т. е. работали на колхоз, как на барина, а кормились от своих крохотных участков (Никонов, 1995).

Село вплоть до 60-х гг. испытывало последствия варварских методов коллективизации и ограбления деревни. Даже по данным официальной статистики валовая продукция сельского хозяйства с 1913 по 1960 года выросла лишь вдвое, при росте промышленной продукции в 40 раз (Народное хозяйство РСФСР, 1988, с. 7).

⁴ См. главу 1.2.

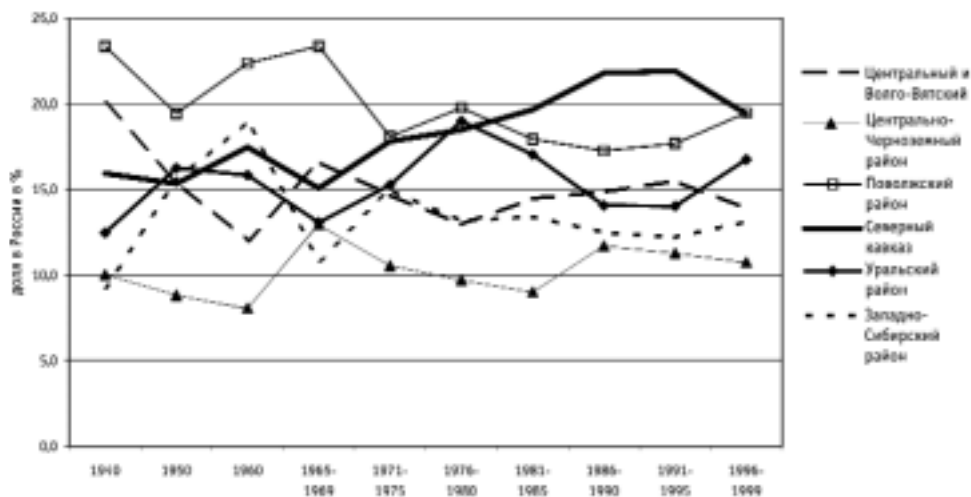
Коллективизация дала первый мощный толчок к сселению и забрасыванию мелких деревень, поскольку колхозному начальству было удобнее контролировать компактное, а не дисперсное расселение (Иоффе, 1990а). Так, еще до Отечественной войны был дан импульс запустению прежде перенаселенной российской глубинки. После войны многие не вернулись в свои села. Все это положило начало депопуляции села и углублению социальных контрастов в сельской местности⁵.

Сельскохозяйственная деятельность в середине века характеризовалась и сдвигом на восток. Удельный вес восточных районов резко повысился еще в период войны. А в 1953 г. началось массовое освоение целинных и залежных земель на южном Урале, в Казахстане и южной Сибири. Сюда приехало по меньшей мере 350 тыс. человек, в основном молодежи, мобилизованной по оргнабору и комсомольским путевкам. В 1954 г. целина дала почти половину валового сбора зерна в РСФСР. Но потом ее вклад резко упал: в 1960-х гг. до — 36% зерна, в конце 70-х — до 27% (Народное хозяйство РСФСР, 1988).

Одновременно усугублялось запустение староземледельческих районов. В 1954–59 гг. было освоено 45 млн га целины и заброшено 13 млн га в Европейской России (Никонов, 1995, с. 311).

На **рис. 3.5.4** видно, как быстро в 1950-х гг. увеличивалась доля Западной Сибири и Поволжья в производстве зерна в основном за счет центральных районов. Поволжье сохраняло лидерство до 1980 г., когда его опередил Северный Кавказ. А Западная

Рис. 3.5.4. Сдвиги в производстве зерна по экономическим районам

⁵ См. главы 3.1 и 3.2.

Сибирь вскоре стала сдавать позиции из-за падения урожайности. И только в 1990-х гг. экономический кризис, сильнее всего ударивший по старым товарным районам, вновь увеличил долю волжских и восточных районов (Нефедова, 2000)⁶.

Территориальные сдвиги в использовании земель, расселении и производстве сельскохозяйственной продукции в XX в. отражает перемещение демографического и экономического центра тяжести территории Российской Империи-СССР и России⁷. Центр тяжести сельского населения СССР за столетие передвинулся из Тамбовской области за реку Урал. Центр сбора зерновых с Волги, где он находился в начале века, сдвинулся в Оренбургскую область в годы освоения целины, затем повернул на запад (рис. 4.1.5).

Сельское хозяйство во второй половине века

Кроме кукурузы, Хрущевское время запомнилось сельскому населению и очередной кампанией против личного подсобного хозяйства (ЛПХ). За 1958–1963 гг. площади ЛПХ были сокращены на 19% (Денисова, 1996, с. 96). По мнению Ю. Г. Александрова (1993), в России была проведена не одна, а две коллективизации. Первая в 1930-е гг. ликвидировала крестьян-единоличников, вторая в 60-е гг. превратила крестьян в сельскохозяйственных рабочих, лишив значительной части собственного скота и обрезав огороды.

В середине 60-х соотношение доходов от личного и колхозного хозяйств у колхозника составляло 2:1 при некотором колебании по регионам (Денисова, 1996, с. 98). Затем роль ЛПХ начинает постепенно возрастать в связи с постоянным дефицитом продовольствия в стране и из-за тесных связей городских семей с сельской родней, снабжавшей их продуктами. Быстро расширяется привлечение самих горожан к сельскохозяйственному производству в подшефных хозяйствах, на садовых и огородных участках.

Низкая производительность труда и расслоение коллективных хозяйств на более и менее благополучные вызвали административно-управленческий зуд, приводивший к укрупнению хозяйств и преобразованию колхозов в совхозы. В 1963 г. колхозов насчитывалось уже 39 тыс. против 91 тыс. в 1955 (Денисова, 1996, с. 59). Все это шло в русле централизации управления, унификации деревни и выравнивания результатов путем присоединения бедных хозяйств к богатым. В планах землеустройства были выделены перспективные и неперспективные деревни. Подобная тактика наложилась на начавшийся объективный процесс депопуляции, став губительной для многих российских деревень. Особенно сильно это ударило по Нечерноземью с его мелкоселенностью и мозаичными угодьями. Только за 1959–1970 гг. число сельских поселений сократилось здесь более чем на 20%, в основном за счет деревушек с населением до 100 человек. Из них, неперспективных, люди чаще переезжали не в центральные усадьбы, а сразу в города или пригороды. К 1980-м гг. деревня начала испытывать острый дефицит

⁶ См. главу 3.6.

⁷ См. главу 4.1.

трудовых ресурсов, а производство — все больше сжиматься к городам, оставляя огромные массивы угодий в глубинке полузаброшенными.

В послевоенные годы добиться увеличения темпов роста сельского хозяйства в Европейской России так и не удалось. Это заставило изменить сельскохозяйственную политику. Робкая и недолгая так называемая Косыгинская реформа 1960-х с расширением хозрасчетных отношений чем-то напоминала реформы Бунге 1880-х гг. Однако стимулирования хозяйственной инициативы не получилось. Самым простым оказалось увеличение материально-технической оснащенного аграрного сектора, которое и начало выполняться по решениям Мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 г.

За 1965–1990 гг. капитальные вложения, основные производственные фонды сельского хозяйства и количество вносимых удобрений увеличилось шестикратно, мощности тракторного парка — пятикратно. Фондовооруженность одного работника выросла за 1960–80 гг. с 3 до 16 тыс. руб., а в расчете на 100 гектар угодий — с 3 до 14 тыс. руб. При этом около половины всех вложений поглощали строительство мощных животноводческих комплексов и водная мелиорация. Все это обеспечило прирост продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении (без учета роста цен) в 1,7 раза, а в натуральном — всего на 35–45%, (зерна — на 50%) при общем росте населения на 35%. Таким образом, интенсификация сельского хозяйства шла с большим превышением затрат над результатами.

Географическая картина интенсификации была весьма выразительна. Больше всего вложений в сельское хозяйство получили западные республики СССР и Нечерноземные регионы России. Например объемом вносимых минеральных удобрений более 200 кг действующего вещества на гектар пашни отличались в 1980-х гг. Белоруссия, Эстония и Латвия, северные регионы и Московская область; 150–200 кг вносили северо-западные и многие центральные регионы, Украина. Поволжские и уральские регионы получали менее 100, а многие менее 50 кг (Иоффе и др., 1988). Плотность производственных фондов на гектар сельскохозяйственных угодий имела примерно такое же распространение.

Тем не менее, близкий уровень производственных вложений в разных регионах давал разные результаты. Более отзывчивыми оказались западные республики с неистраченной культурой землепользования и южные регионы — Центрально-Черноземные и Северо-Кавказские — с лучшими природными предпосылками земледелия. В российской Нечерноземной зоне дополнительные затраты скоро натолкнулись на некоторый предел, за которым аккумуляция ресурсов не давала прироста продуктивности земель и скота. Этот предел прежде всего был связан с неизменным хозяйственным механизмом и технологией производства. Но существовал еще один фактор, лимитирующий отдачу вложений. Сельское население России в целом сократилось с 76 млн человек в 1926 году до 39 млн в 1990, а в Нечерноземной зоне — с 39 до 15 млн чел. На осушенных землях и животноводческих комплексах во многих местах уже некому было работать, так что значительные средства были затрачены по существу впустую.

Таким образом, во второй половине века фактор трудовых ресурсов на селе стал во многих регионах лимитирующим для колхозно-совхозного сельского хозяйства.

Сдвиги в землепользовании и заселении

После 1960 г. сильного расширения сельскохозяйственных земель уже не было. А их потери в Нечерноземье нарастали в связи с оттоком сельского населения в города и депопуляцией глубинки. Однако прямого соответствия между динамикой сельского населения и сельскохозяйственных угодий не наблюдается (**табл. 3.5.3**). Это связано с рядом факторов. Во-первых, перевод земель из одной категории землепользования в другую в официальных документах сильно отставая от реальных процессов их забрасывания и всячески тормозился властями. Особенно недопустимыми считались потери пашни. Во-вторых, чем южнее, тем в меньшей степени депопуляция сказывалась на официальной статистике уменьшения сельскохозяйственных земель: поля просто «отдыхали» или зарастали кустарником и лесом, числясь пашней лишь на бумаге. На севере небольшие перерывы в обработке земель приводили к их быстрому заболачиванию и закустариванию, несмотря на развернувшиеся работы по мелиорации. Пашня полностью выходила из строя, поэтому ее приходилось переводить в категорию естественных кормовых угодий или лесных земель. Поэтому наибольшие зафиксированные статистикой потери земель характерны именно для Северного района, а не Центрального, где потери угодий в результате депопуляции были не меньше.

Несовершенство статистического учета не дает возможности по этим показателям проследить реальные потери земель из-за вторичного, связанного с уменьшением сельского населения опустынивания территории в староосвоенных районах Европейской России. Однако это можно сделать иначе, опираясь на представленные в главах 3.1 и 3.2 карты Д. Н. Лухманова и его данные, отражающие плотность сельского населения по административным районам в 1897, 1959, 1989 гг. (**табл. 3.5.4**).

Незаселенные территории с плотностью населения менее 1 человека на кв. км представлены только на Севере. Эти территории за 90 лет уменьшились, но не сильно — 314 тыс. кв. км перешли из категории незаселенных в категорию очень слабо заселенных. Но поскольку шел и обратный процесс — прежде хотя и слабо, но освоенные территории забрасывались и переходили в категорию незаселенных, — то суммарное уменьшение таких территорий составило 174 тыс. кв. км, и занимают они сейчас чуть менее $\frac{1}{5}$ территории Европейской России.

Площади слабо заселенных сельских территорий (с плотностью от 1 до 10 человек на кв. км) за XX в. выросли более чем на один млн кв. км увеличившись в два раза. Но лишь в незначительной степени за счет освоения севера и юго-востока, а главным образом за счет потери сельского населения прежде заселенными территориями, то есть вторичного социального опустынивания. *К концу века почти 60% освоенной территории Европейской России оказалось слабо заселено. А вместе с Севером — это три чет-*

Таблица 3.5.3. Изменение площади угодий и сокращение сельского населения за 1960–1989 гг.

Районы и области	Сельскохозяйственные угодья 1989 к 1960, %	Пашня 1989 к 1960, %	Сельское население 1989 к 1959, %	Все население 1989 к 1959, %
Северный район	54	77	69	133
Северо-Западный район	77	95	63	132
в т. ч. Ленинградская область	96	120	95	141
Новгородская область	67	90	50	102
Центральный район	85	94	51	118
в т. ч. Московская область	90	98	66	139
Ивановская область	90	98	55	101
Калужская область	99	98	56	113
Тверская область	68	93	47	92
Ярославская область	75	95	46	105
Волго-Вятский	90	94	52	102
Центрально-Черноземный	97	95	54	97
Поволжье	102	102	67	130
Сев. Кавказ	93	101	108	144
Урал	97	100	69	116

Источники: рассчитано по Земельный фонд., 1961, 1990; Демографический ежегодник., 1996.

Таблица 3.5.4. Изменения долей и площади сельской местности разной степени заселенности на Европейской России с 1897 по 1989 гг.

Тип территории	Плотность населения, чел./кв. км	1897 %	1959 %	1989 %	1897–1989 тыс. кв. км
Незаселенная	Менее 1	22,6	17,9	18,2	-174
Очень слабо заселенная	1–5	17,4	22,6	34,3	+697
Слабо заселенная	5–10	11,3	19,2	23,2	+488
Средне заселенная	10–25	27,5	27,6	19,8	-319
Густо заселенная	25–50	20,5	11,4	3,9	-686
Очень густо заселенная	Более 50	0,7	1,3	0,6	-6
Всего		100	100	100	0

Источники: рассчитано путем суммирования площадей административных районов согласно типологии Д. Н. Лукманова (см. карты 3.1.2. и 3.2.2).

верти. Так что землеобилие даже в Европейской России грандиозно и за XX век заметно увеличилось.

Значение плотности сельского населения в 10 человек на кв. км, как показывают исследования соотношений результатов сельскохозяйственной деятельности и обеспеченности трудовыми ресурсами в условиях российской колхозной деревни (Иоффе, 1990; Нефедова, 1997; Ioffe, Nefedova, 1997), является критическим порогом для успешного земледелия (но не экстенсивного скотоводства). При меньшей плотности и прежде, а особенно теперь, земледелие в широких масштабах оказывалось весьма социально рискованным, а попытки колхозов под нажимом партийных органов распахивать большие территории приводили к невозможности получить достойный урожай и даже собрать его.

Современные сельские территории, на которых живет более 10 человек на кв. км, — это, в основном, юг и пригороды. Однако в начале века это было не так. Наиболее уплотненной оказывалась вся Центральная Россия, особенно Центрально-Черноземная. Площадь заселенной, реально жизнеспособной сельской территории за век сильно уменьшились. На самом деле уменьшения гораздо больше, поскольку одновременно происходил прирост подобных площадей и на юге. «Приобретения» таких новых заселенных территорий за век составили около 150 тыс. га, следовательно и потери в староосвоенной части на эту величину больше. Но особенно впечатляет сжатие наиболее густо заселенных территорий (25–50 чел): с 846 до 160 тыс. кв. км и их полная фрагментация (см. карты 3.1.1, 3.1.2, 3.2.1). *В целом заселенная освоенная сельская территория уменьшилась в два раза.* В начале века она составляла половину территории Европейской России, теперь — четверть. Общие потери таких территорий (переход их из категории заселенных и густо заселенных в слабо заселенные) составили 1 млн кв. км.

Запустение сельской местности, забрасывание домов, целых деревень, сельскохозяйственных угодий наиболее характерны для Нечерноземья⁸. Здесь заселенные ареалы с жизнеспособным сельским хозяйством сохранились лишь на 20% территории в пригородах крупных центров (**табл. 3.5.5**).

Активные потери населения в Центрально-Черноземной районе не привели к катастрофическому понижению освоенности, как в Нечерноземье. Большая часть района вместо густо заселенной стала средне заселенной.

Иное дело — восточная часть черноземной зоны в пределах Поволжского района и южного Урала, которая имеет показатели, близкие к средним по Европейской России. Ее заселенная зона сократилась с половины до четверти территории, а густо заселенная «разбилась» на массу мелких фрагментов. Таким образом зафиксированное статистикой небольшое увеличение пашни во второй половине века (табл. 3.5.3) за счет орошения происходило на фоне реального запустения огромных пространств с крайне низкими урожайностями культур.

⁸ Нечерноземье в данном случае рассматривалось в пределах Северо-Западного, Центрального, Волго-Вятского и северной части Уральского регионов без двух столичных регионов, но с Вологодской областью.

Таблица 3.5.5. Изменения долей и площади сельской местности разной степени заселенности по крупным частям Европейской России с 1897 по 1989 гг.

Тип территории	Плотность населения, чел./кв. км	1897 %	1959 %	1989 %	1897–1989 тыс. кв. км
Нечерноземье					
Незаселенная	Менее 1	1,9	2,2	6,9	+61
Очень слабо заселенная	1–5	14,6	17,4	41,3	+358
Слабо заселенная	5–10	18,3	24,8	30,6	+165
Средне заселенная	10–25	34,1	41,4	19,4	-194
Густо заселенная	25–50	30,5	13,7	1,8	-382
Очень густо заселенная	Более 50	0,6	0,5	0,3	-8
Всего		100	100	100	0
Центрально-Черноземный район					
Незаселенная	Менее 1	0	0	0	0
Очень слабо заселенная	1–5	0	0	0	0
Слабо заселенная	5–10	0	0	3,7	+6,2
Средне заселенная	10–25	0	17,8	85,0	+111,3
Густо заселенная	25–50	90,6	78,5	11,3	-111,6
Очень густо заселенная	Более 50	9,4	3,7	0	-6,2
Всего		100	100	100	0
Северный Кавказ					
Незаселенная	Менее 1	0	0	0	0
Очень слабо заселенная	1–5	3,0	7,4	7,6	-7
Слабо заселенная	5–10	28,4	21,3	22,6	-20
Средне заселенная	10–25	39,0	45,0	39,4	+1
Густо заселенная	25–50	22,9	26,3	24,8	+6
Очень густо заселенная	Более 50	0	3,0	5,6	+20
Всего		100	100	100	0
Поволжье и южный Урал					
Незаселенная	Менее 1	0	0	1,1	+11
Очень слабо заселенная	1–5	19,3	20,0	26,8	+72
Слабо заселенная	5–10	11,4	33,9	45,2	+327
Средне заселенная	10–25	51,0	38,9	25,8	-244
Густо заселенная	25–50	18,3	7,2	1,1	-166
Очень густо заселенная	Более 50	0	0	0	0
Всего		100	100	100	0

Источники: рассчитано путем суммирования площадей административных районов согласно типологии Д. Н. Лукманова (см. карты 3.1.1, 3.1.2. и 3.2.2).

Как уже отмечалось в главах 3.1 и 3.2, триумфатором столетия стал Северный Кавказ, его динамика населения диаметрально противоположна. Только здесь слабозаселенные территории уменьшились.

Региональный пример вековых изменений землепользования и заселения

Покажем, как менялись на протяжении века характер заселения и сельского хозяйства на примере одного из типичных нечерноземных регионов — Ярославской области.

В 1913 г. 85% всего населения было сельским, и его плотность была в 4 раза выше, чем сейчас (28 чел./кв. км), в то же время посевная площадь была на треть меньше. Средняя по области урожайность зерновых культур в начале века составляла 10 ц/га, через 70 лет после всех преобразований получали те же 10–12 ц/га. До 1970-х гг. урожайность все таки росла, однако в дальнейшем в связи с общим кризисом Нечерноземья стала падать, несмотря на все увеличивающиеся вложения средств.

Сельское хозяйство Ярославской губернии в начале века имело выраженную товарную направленность. Площади под картофелем составляли 10% посевных, здесь получалось больше картофеля, чем сейчас (Гуревич, 1915). И, конечно, важное значение имел лен, занимавший 14% посевных площадей (сейчас 2,5%).

Очагами развития товарного хозяйства были две полосы, прилегающие к железным дорогам. Первая — основная зона картофелеводства — пригородные территории Ярославля и зона вдоль меридиональной магистрали на Архангельск. Вторая — зона льноводства на северо-западе вдоль дороги Рыбинск — Тверь. Здесь лен занимал до 30% посевов. Весь этот район был льновывозящим, имел наивысшую плотность населения (39 чел./кв. км), наибольшую распаханность (до 34%), а земля стоила там вдвое дороже, чем в других районах.

Пригородный сельскохозяйственный район за век сохранил и даже улучшил свои позиции. А северо-западные окраины — полностью деградировали. Их упадок во многом связан с уменьшением плотности сельского населения, поскольку льноводство очень трудоемко. Типичные представители — Некоузский район — самый худший по показателям сельского хозяйства. Только за вторую половину века оттуда уехало $\frac{2}{3}$ населения, плотность его упала до 5 человек на кв. км, а урожайность зерновых культур к 1990-м гг. составляла 7–9 ц/га. Иной тип являли собой северо-восточные окраины губернии. Они и раньше явно отставали в своем развитии. Здесь применялась традиционная трехпольная система с большой долей паров (в районах товарного хозяйства ее уже не было в начале века), преобладали посевы ржи и натуральное хозяйство. Эти районы всегда считались самыми бедными и запущенными.

Таким образом, очевидно, что и в начале века разные части области находились как бы на разных стадиях развития. Пригороды были заметны и тогда, но они не выделялись

столь контрастно, как сейчас. Кроме того, у них были противовесы — ареалы товарного производства в других частях области. Классические «медвежьи углы» всегда составляли иной мир, развивающийся по своим законам. Ярославское северо-восточное Заволжье — и сейчас остается районом полунатурального отсталого низкопродуктивного хозяйства, район не только не догнал за век далеко ушедшие пригороды, но все больше отстает от них.

В результате этих преобразований современная плотность сельского населения близ Ярославля составляет 27 чел./кв. км, в соседних районах резко падает до 8–11, а на окраинах — до 4–5 человек на кв. км. Максимальная урожайность всех видов зерновых, картофеля, корнеплодов в Ярославском районе отличает его не только от окраинных, но практически всех районов области, при том, что природные предпосылки наилучшие на юге области (рис. 3.5.5–3.5.7). Выделяется повышенной урожайностью культур и полоса соседних с Ярославским районов вдоль железных дорог. То же с продуктивностью скота. Эти различия характерны не только для последних лет: они проявились уже к середине века и с тех пор все углубляются. Это только подтверждает, что плотность сельского населения 10 чел./кв. км в условиях сложившегося хозяйственно-

Рис. 3.5.5. Урожайность зерновых в Ярославской области, ц/га в 1993–98 гг.

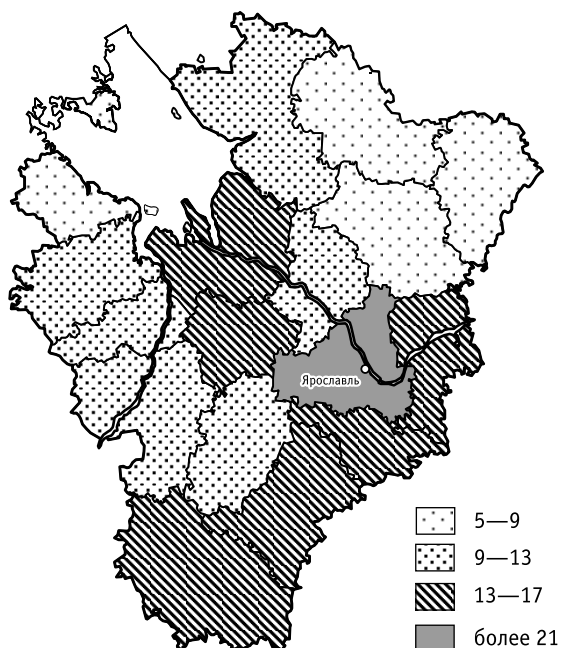

Рис. 3.5.6. Природные предпосылки сельского хозяйства в Ярославской области

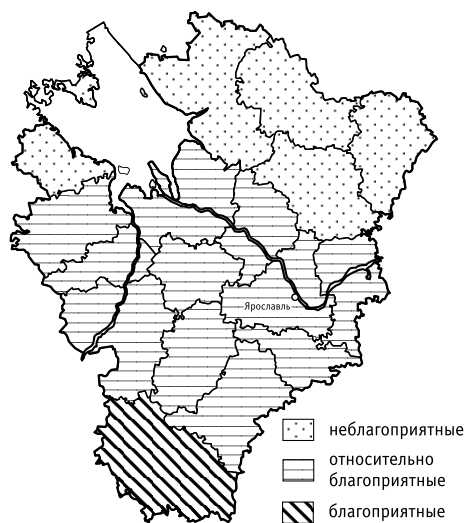
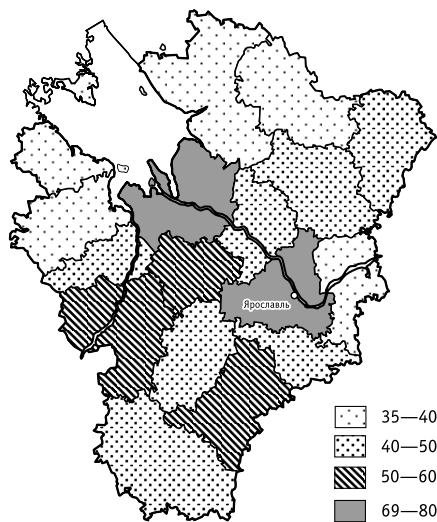

Рис. 3.5.7. Динамика сельского населения, 1991 г. в % к 1959 г.

го механизма и технологий Нечерноземья сплошь и рядом оказывается критическим порогом для успешного ведения коллективного хозяйственного производства (см. предыдущий раздел).

Таким образом, в течение десятилетий продуктивное общественное хозяйство подобно шагреновой коже постепенно сжималось, сохранив жизнеспособность и товарность лишь в небольшой группе районов, в основном вокруг областного центра, при сильной деградации на остальной территории области. Зато в окраинных районах области наиболее велика доля личных подсобных хозяйств в самообеспечении продукцией.

Основные итоги пространственного развития сельского хозяйства к 1990-м годам

Эти итоги можно свести к четырем основным тезисам:

1. Усиление западно-восточного градиента интенсивности и продуктивности сельского хозяйства.

2. Усиление центрально-периферийного градиента, заметного на всех уровнях: Московская область — по сравнению с окружающими, внутриобластные пригородные территории — на фоне периферийных.

3. Изменение регионального самочувствия сельской местности: различия между северными и южными районами.

4. Ослабление специализации и территориального разделения труда.

Рассмотрим их более подробно.

1. Западно-восточный градиент

В распределении показателей продуктивности сельского хозяйства Европейской части Российской империи — СССР (урожайности основных культур, надоя молока от 1 коровы, привеса скота и т. п.) по осям север—юг и запад—восток в течение XX в. прослеживаются заметные сдвиги (**табл. 3.5.6**). В начале века урожайность зерновых в западных и северо-западных районах была выше, чем на юге и востоке (Обухов, 1927; Народное хозяйство, 1985). В течение десятилетий после революции все стало иначе: наибольшей урожайностью выделялись южные территории с лучшим природным потенциалом (**рис. 3.5.8**). Видимо, социальные потрясения, связанные с войнами и коллективизацией, как бы отключили влияние социально-экономических факторов, выведя на первое место природные.

С ростом материально-технических вложений все сильнее стали проявляться меридиональные различия, связанные с величиной и эффективностью вложений (Иоффе и др., 1988), особенно заметные между Россией и западными республиками бывшего

Таблица 3.5.6. Изменение урожайности зерновых культур на территории Европейской части СССР с 1913 по 1985 гг., ц/га

Регионы	1913	1940	1965	1981–85
Градиент (перепад) север—юг	-0,2	3,4	7,8	5,8
Северные районы	9,0	6,8	8,7	16,0
Срединные районы	7,9	8,2	10,6	17,2
Южные районы	8,8	10,2	16,5	21,8
Градиент (перепад) запад—восток	1,6	3,0	11,0	13,4
Западные районы	9,3	10,8	18,7	26,0
Центральные районы	8,5	9,9	11,6	18,5
Восточные районы	7,7	7,8	7,7	12,6

СССР. Урожайность зерновых в Прибалтийских республиках превышала к 80-м гг. урожайность соседних с ними российских областей в 3 раза, в Белоруссии и на Украине она была в 2 раза выше, чем у российских соседей. Столь же сильно различались и другие показатели продуктивности. Те различия, которые Геттнер увидел между чисто российскими и западными нероссийскими губерниями еще в начале века, все более обострялись. Можно говорить об усилении западно-восточного градиента продуктивности сельского хозяйства бывшего СССР, хорошо видимом на **рис. 3.5.9**. Что же касается российских областей, то здесь, наоборот, произошло скорее нивелирование западно-восточного градиента («проседание», несмотря на интенсификацию, продуктивности в большинстве Нечерноземных областей почти сравняло их показатели с продуктивностью восточных районов с более экстенсивным хозяйством).

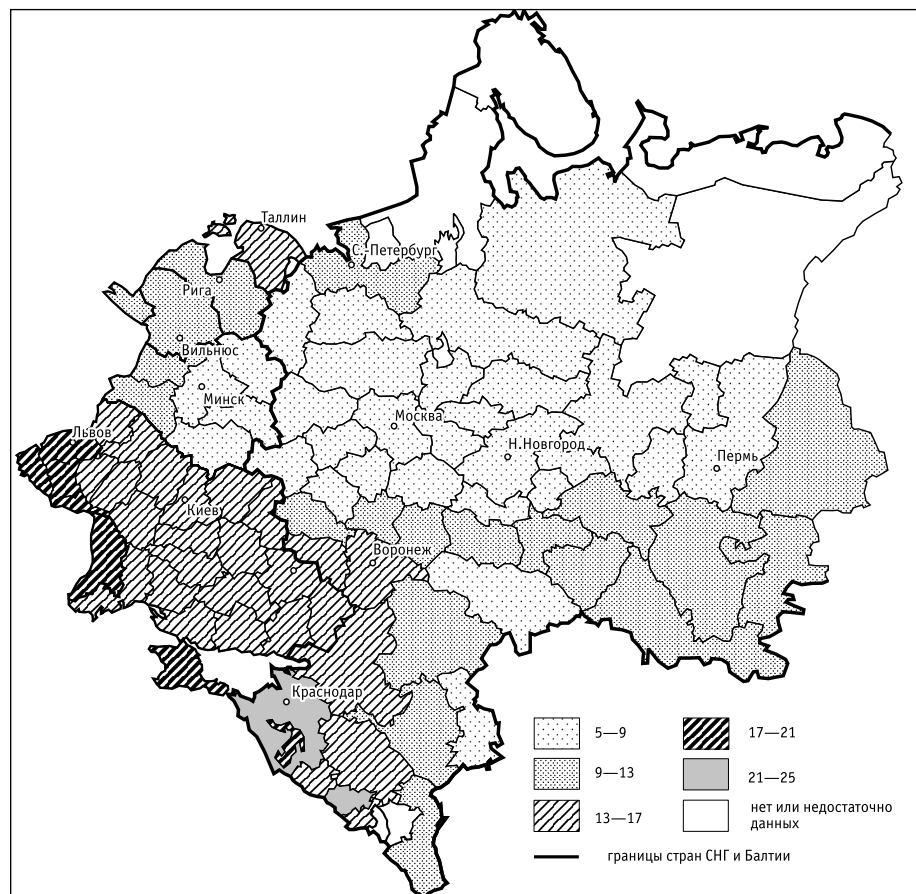
2. Пригород и периферия

Как мы уже отмечали, и в начале века было заметно влияние городов на сельскую местность. Но к концу века это влияние создало в обширных зонах контрасты небывалой глубины. При этом российская глубинка не просто отстает от центров, она, по меткому замечанию Б. Б. Родомана (1998), движется в обратную сторону.

Практически во всех областях России можно обнаружить более или менее выраженное падение интенсивности и продуктивности сельского хозяйства по мере удаления от крупных городов и, особенно, от областного центра. Однако степени этой выраженности сильно различаются и зависят от степени освоенности и специализации территории, а также от величины города.

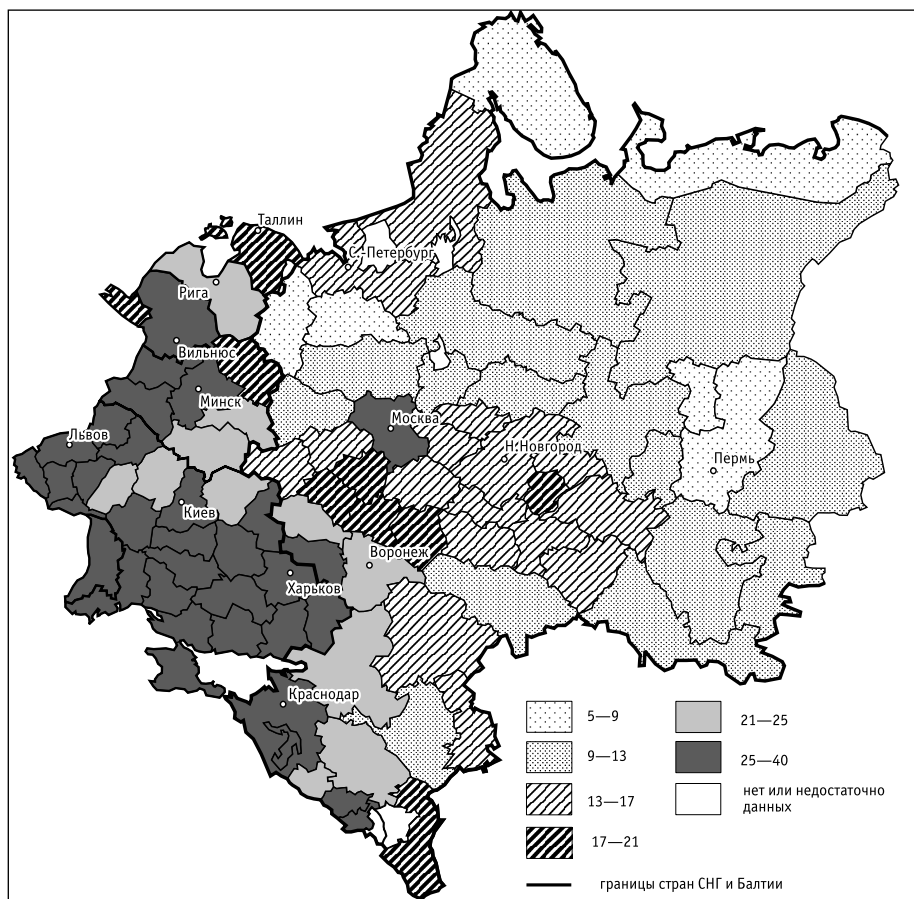
На менее освоенных северных пространствах России контрасты центр—периферия, как правило, очень велики. То же — в засушливых восточных районах Поволжья и Заволжья. К такой схеме организации все быстрее движутся и некоторые области

Рис. 3.5.8. Урожайность зерновых на Европейской территории СССР в 1960 г., ц/га

Центральной России из-за вторичного опустошения сельской местности. Например, расчеты по ряду областей Нечерноземной зоны показали, что если за единицу принять среднеобластные показатели, то в районах вокруг областных центров плотность сельского населения составляет в среднем 2,5, валовая продукция с 1 га сельскохозяйственных угодий — 2,0, урожайность зерновых и надой от одной коровы — 1,5. Для периферийных районов областей эти показатели не превышают 0,6–0,7. То есть продуктивность сельского хозяйства в пригородных районах в 3–4 раза выше, чем на периферии облас-

Рис. 3.5.9. Урожайность зерновых на Европейской территории СССР в 1986–1990 гг., ц/га

тей, часто при тех же природных предпосылках. В Черноземной зоне эти контрасты выражены слабее, чем в Нечерноземье, а вот в Краснодарском крае они практически отсутствуют.

Способностью формировать вокруг себя пригородные районы не только с иной специализацией, но и с иными результатами сельскохозяйственной деятельности обладают далеко не все города. Степень их влияния на окружающую территорию зависит от их размера и географических условий. На Севере практически каждый город имеет отчет-

ливую зону пригородного сельского хозяйства. Однако на уровне административных районов заметный рост продуктивности можно увидеть лишь при наличии центра с населением свыше 50 тыс. человек. В Центральной России один или несколько типично пригородных сельских административных районов формируют лишь большие города (свыше 100 тыс. жит.). Южнее подобной способностью обладают еще более крупные города. В целом же почти все региональные столицы формируют подобные пригородные зоны.

Влияние города на окружающую сельскую местность связано и с его возрастом. Новые города, возникающие в староземледельческом ареале при строительстве крупных предприятий и т. п., сначала не только не формируют пригородов, но и опустошают местность вокруг себя. И только достигнув определенного размера и возраста, они начинают формировать вокруг себя зону повышенной плотности населения и пригородного хозяйства. Примеры таких зон можно увидеть практически в любой области Нечерноземья. На рис. 3.5.5–3.5.7 видно, насколько заметнее результаты сельского хозяйства Ярославской области зависят от положения по отношению к центру и плотности сельского населения, чем от природных предпосылок.

Самое мощное пригородное сельское хозяйство имеет Москва, в чем видна определенная преемственность с ситуацией начала века. Разница только в том, что формирует ее уже не один город-гигант, а агломерация городов на фоне сильного упадка сельской местности Нечерноземья. В Московской области резко повышается плотность трудовых ресурсов и инфраструктуры, в частности автодорог (самая высокая в стране), велика концентрация крупных агропромышленных предприятий, а урожайность зерновых культур в 2–3 раза выше, чем в окружающих областях, даже южных, с лучшими природными условиями (рис. 3.5.9).

В пределах самого Подмосковья также прослеживается центрально-периферийный градиент. Так, плотность сельского населения падает с 65 чел. на кв. км в ближайших к столице районах до 17 чел. в отдаленных, уменьшаются по мере удаления от Москвы размеры хозяйств и продуктивность скота. Перепады между ближайшими к Москве и окраинными районами в выходе продукции на единицу угодий к 1990 году составляли 7–10 раз, а в результате кризиса последнего десятилетия возросли до 10–20 раз, так как при общем сильном падении производства лучше выдержали удары кризиса ближайшие к городу сильные хозяйства⁹.

Теоретически подобное распределение интенсивности сельского хозяйства вытекает из модели Тюнена (Тюнэн, 1926). В Европе и Северной Америке начиная с 1960-х гг. в связи с совершенствованием средств транспорта и субурбанизацией центрально-периферийные различия в сельском хозяйстве стали размываться.

Почему же в России этот центрально-периферийный градиент так задержался? Специфические для России условия, определившие подобную пространственную организацию сельского хозяйства, подробно изложены в специальной статье (Иоффе, Нефедова, 2000). Здесь перечислим лишь основные причины. Прежде всего это тип заселения или освоения пространства, характерной чертой которого служит разреженность сети

⁹ См. следующую главу 3.6.

городов, способных оказывать цивилизующее воздействие на свое сельское окружение. Хозяйство развивалось как бы в разреженном социальном пространстве. До 1990 г. на 75% территории зоны сокращалась и суммарная численность населения, т. е. даже рост городов не перекрывал убыли сельского населения (Иоффе, Тревиш, 1988). В то же время вокруг городов наряду с ростом населения наблюдался и ускоренный экономический рост. В результате центрально-периферийные градиенты плотности населения и продуктивности сельского хозяйства постоянно росли. Подобно тому как распалось единое поле сельского расселения, распалось и единое межгородское экономическое пространство. Все четче выявлялись депрессивные и развивающиеся ареалы, которые развивались по расходящимся траекториям.

Сказывается и общая *запущенность сельской местности*: селяне как бы добирают в городе то, чего они не могут получить на месте. Поэтому сельское население в пригородах стабильно росло. Важно учесть, что речь здесь идет не только о количестве людей, но и о качестве трудовых ресурсов. Ведь из глубинки в города и пригороды уезжали наиболее молодые, трудолюбивые, предприимчивые люди.

В пригородах, конечно, *лучше развита инфраструктура* — сеть дорог, наличие элементарных услуг и т. п. Но *и сама топология транспортной сети* (один, как правило, крупногородской центр в каждой области и расходящиеся от него транспортные лучи) дает неустраимые преимущества именно пригородным территориям, так как там расстояния между основными магистралями гораздо меньше.

Эти особенности учитывали и власти, которые, с одной стороны, стягивали новые и технологически прогрессивные объекты сельского хозяйства в ближайшие пригороды, т. е. туда, где они давали наибольшую отдачу. С другой стороны, они постоянно поддерживали дотациями периферийные, безнадежно убыточные хозяйства. Все вместе это закрепляло иждивенчество глубинных хозяйств и только усиливало их отставание. Не могла не сказаться и *долговременная монополия городских пищевых предприятий*: один-два завода перехватывали основные потоки сельхозпродукции в областях, стягивая их опять же к центру.

Все это и способствовало тому, *что и сельское население, и инвестиции в сельское хозяйство стягивались поближе к городу*. Тем не менее в России речь идет скорее о квази-туненовских ландшафтах, нежели о содержательном соответствии оригинальной модели, так как туненовская модель основана на рыночных условиях. Тем не менее пространственный результат — тот же при сильном отличии исходных факторов. Дело, видимо, в том, что большинство факторов, о которых говорилось выше, находится именно в сфере топологии пространства, специфике его освоения и организации в России, нежели в сфере общей экономической системы (Иоффе, Нефедова, 2000).

Пригородная и периферийная деревня современной России — это разные миры.

В пригородных районах крупные общественные хозяйства кормили и, несмотря на кризис, продолжают кормить города. При более совершенной налоговой и маркетинговой системе они могут оказаться весьма жизнеспособными. Именно здесь сформиро-

вался новый социальный тип наемного работника на селе. У него есть личное подворье и зачастую товарное — со сбытом продукции на городском рынке или дачникам. Стремление заработать деньги постоянно стимулирует город, где их можно с толком потратить. Много селян занято, полностью или сезонно, в иных отраслях, в том числе и в городе, сдают дома внаем и т. п.

В периферийных районах доминируют черты натурального, почти общинного хозяйства, удаленность, отсталость, безденежье. Крайне низка продуктивность коллективных предприятий. Консервативное население глубинки отторгает приезжих и любые покушения на традиционный уклад жизни. Здесь не идут реформы, но происходит как бы прорастание индивидуального сектора сквозь общественный. Сегодня они существуют в тесном симбиозе. По сути средства, направляемые в сельское хозяйство, все равно во многом оседают в личном секторе. Люди часто сами уходят из колхоза и становятся официально безработными, а фактически живут продукцией своего ЛПХ.

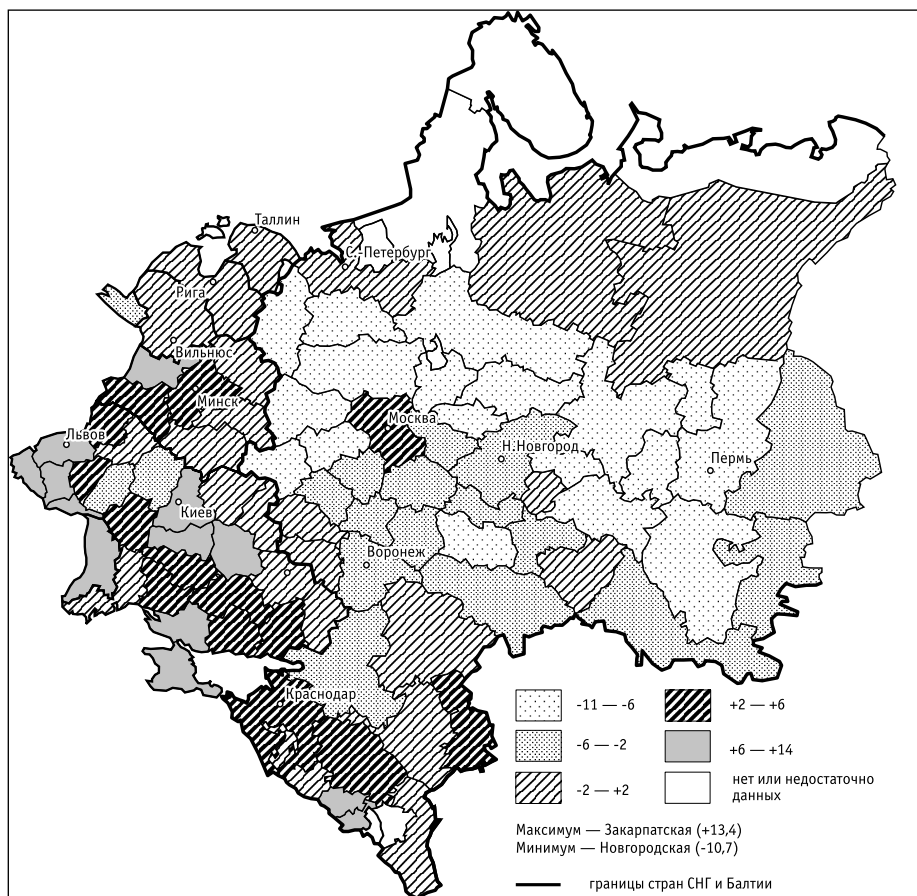
Полупериферия — переходная зона между пригородами и глубинкой. Она также потеряла много сельского населения, но зато активнее подвергается вторичному заселению. В то же время хозяйство здесь не так безнадежно, как на периферии. Сельское общество более открыто переменам. Лучшая доступность центров (в отличие от периферии) и наличие свободных земель (в отличие от пригорода) делают ее особенно привлекательной для фермеров, переселенцев и дачников. Все они, включая и последних, выполняют важную функцию — сохраняют деревню. И в этом — залог экономического возрождения. Беда полупериферии прежде всего в ее слабой инфраструктуре. Дефицит дорог, школ, магазинов сдерживает их развитие.

3. Изменение регионального самочувствия сельской местности. Различия между Севером и Югом Европейской России

Различие реакции северных и южных территорий Европейской России на преобразования деревни в XX в. видны не только при сравнении Архангельской области, скажем, со Ставропольским краем. Их можно показать на примере Нечерноземной и Черноземной зон в целом.

Сельское Нечерноземье (в рамках Центрального, Северо-Западного и Волго-Вятского районов с примыкающей к ним Вологодской областью) — пожалуй, самая контрастная зона. В районировании В. П. оно примерно соответствует центральному и северо-западному водораздельному типу местности. Здесь распаханность варьируется от 5 до 60%, а сельским поселением может быть и умирающая деревенька, где доживают свой век две старушки, и село с несколькими тысячами жителей. Общим местом стали ссылки на капризность природы и связанную с ней рискованность земледелия в этой зоне. Однако карта соотношения фактически полученной к 1990-м гг. урожайности зерновых и потенциальной урожайности на госсортучастках при естественном сочетании тепла и влаги показывает, что в большинстве нечерноземных регионов, кроме пригородных, биоклиматический потенциал даже не достигнут (рис. 3.5.10).

Рис. 3.5.10. Разница между фактической и потенциальной (при естественном сочетании тепла и влаги) урожайностью зерновых в ц/га, 1986–1990 гг.

Коллективизация и унификации землепользования особенно трагически отразились именно на этих районах, где сама природа мелкоконтурностью и чересполосицей вызывала особую тягу крестьян к индивидуализации приемов агротехники (Иоффе, 1990).

В 70-х гг. неблагополучие этой зоны было осознано на государственном уровне. По программе «Нечерноземье»¹⁰ объем капиталовложений в сельское хозяйство возрос

¹⁰ О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1974 г., 1975.

более чем в 5 раз. Урожайности культур и поголовье скота вначале возросли, но, достигнув в 70-х максимума за столетие, начали падать.

Таким образом, главными внешними факторами аграрной эволюции Нечерноземной зоны в XX веке были уменьшающаяся плотность сельского населения, быстро растущая доля городского и большие междугородние расстояния. В общем, *тип освоения пространства и депопуляция деревни оказались решающими при упадке сельской местности этого региона*. Правда, депопуляции можно было противопоставить переход на иные хозяйственные механизмы, способствующие росту индивидуальной производительности труда. Так было в Западных странах, где вслед за бурной урбанизацией рост производительности в сельском хозяйстве начал опережать ее рост в промышленности. У нас же огромные средства «размазывали» по территории, распределяя их по гектарам, независимо от отдачи, а дефицит рабочих рук восполняли мобилизацией на сельхозработы горожан, совсем не заинтересованных в результатах этого труда.

Черноземной зоной можно считать всю лесостепную и степную полосу России, протянувшуюся полосой от Курска и Орла до Уфы. В районировании Семенова-Тян-Шанского она относится в основном к долинно-овражному типу территорий. Пашня здесь составляет 60–70% территории. Исторически этот пояс отличался как от соседнего лесного — более развитого промышленно, так и от более свободного от крепостнических и общинных черт юга. Здесь дольше всего сохранялись помещичьи земли, слабо развивались промышленность и города. Район был не просто аграрным, но консервативным. В начале века это была явно депрессивная часть России. А в конце века — одна из относительно благополучных.

Территория уже к началу века была почти так же распахана, как и сейчас, и при пересеченном рельефе — сильно эродирована¹¹. Тем не менее она была сильно перенаселена. На рубеже веков средняя плотность составляла 48 чел. на кв. версту, что, по оценкам современников, превышало предел емкости для земледельческих областей с экстенсивной системой обработки земли (Россия. Полное географическое..., 1902). В. П. писал об этой территории: *«При оценке долинно-овражного подтипа территории не следует забывать, что это теперь самая хвоя экономически и духовно часть России...»* (с. 36).

После революции черноземные крестьяне заметно выиграли от черного передела, сразу увеличив свои наделы за счет помещичьих земель более чем на треть. К 1936 г. тут происходит почти полное объединение крестьян в колхозы, растет товарность и спе-

¹¹ Вот как описывал ее известный немецкий путешественник-географ А. Геттнер: «Почва состоит из плодородного чернозема. Но культура отстала от западных областей. Одностороннее сельское хозяйство, носящее хищнический характер, имело плохие последствия. Поверхностно вспаханная, никогда не удобряемая почва истратила, несмотря на естественное плодородие, запас питательных своих солей. Урожаи делаются все незначительней, хлеб вырождается. Вся область, которая приспособлена к хлебопашеству, как немногие другие страны, и которую можно сравнить только с лучшими сельскохозяйственными областями Северной Америки, совершенно разорена. Правда, она и теперь вывозит хлеб, но только за счет пропитания местного населения» (Геттнер, 1907). Особенно нищими к XX веку стали районы на стыке Черноземной и Нечерноземной зоны: Орловская, Рязанская, Тамбовская губернии.

циализация производства (например, площадь под техническими культурами увеличилась в 6 раз). Заметно улучшилось техническое обеспечение. Сельское население тоже тянулось в города, уезжало на Север и Восток (ЦЧР долго имел резко отрицательное сальдо миграций), но большая удаленность региона от крупных центров и исходно большая плотность не привели к таким фатальным последствиям, как в Нечерноземье.

Повышенная плотность сельского населения и природный базис обеспечили эффект от вложений в сельское хозяйство. Можно возразить, что при иной экономической системе эффект мог быть и выше. Но очевидно, что *район заметно выиграл от социалистических преобразований на селе, превратившись из одного из самых отсталых в относительно благополучный*. И... по-прежнему консервативный.

Центрально-периферийные градиенты результативности сельского хозяйства здесь выражены слабее. Традиционно линейное сельское расселение по рекам и балкам мешает стягиванию населения, как в Нечерноземье, к городам и дорогам, проходящим в основном по водоразделам. В этой типично переходной зоне между лесным севером с ярко выраженными центрально-периферийными градиентами и прикубанским югом, где они сглажены, степень их проявления зависит, с одной стороны, от того, ближе к северной или южной границе находится конкретный район, а с другой — от размера и возраста города, влияющего на окружающую сельскую местность.

4. Слабое территориальное разделение труда в сельском хозяйстве кажется особенно парадоксальным при российских контрастах природы, разных результатах эволюции хозяйства в регионах и столь сильной дифференциации продуктивности. Тем не менее для России характерен низкий уровень специализации и товарности. Зерновые и в Нечерноземье, и в Черноземье к концу века занимали 40–60% посевных площадей (лишь в Московской области и на севере их доля падала ниже 30%). Максимального распространения к северу зерновые достигли в 1960–1970 гг., затем их посевы начали сдвигаться к югу. Картофель часто заставляли сеять против воли хозяйств — там, где это было убыточно. Это было связано с постоянным дефицитом продовольствия, низкой продуктивностью земель и стремлением региональных властей к самообеспечению¹².

Установки на такое самообеспечение регионов были взяты с первых лет коллективизации, хотя и шли в разрез с научными обоснованиями. Например, в 30-х гг. группа профессоров и студентов Политехнического института на основании пространственно-экономического анализа предложила увеличение производства зерновых в южных производящих районах при сокращении их выращивания в потребляющих районах и ограничение производства зерна в Сибири в рамках собственного потребления (по существу предлагался дореволюционный тип разделения труда в сельском хозяйстве).

¹² Например, в Кировской области доля зерновых (62% посевных площадей) превышала таковую в Воронежской (50%) и даже в Ростовской (58%) областях. Показываемая на сельскохозяйственных картах специализация районов обычно была сильно преувеличена. Например, в льносеющих районах Нечерноземья площади подо льном, до революции составлявшие 10–20% посевной, к 1970 г. уменьшились до 7–9%, а к 1990 — до 4–5%, земли под подсолнечником в районах его специализации также составляли 5–7%.

Тогда эти выводы были подвергнуты резкой критике (Константинов, 1957). В последующие годы экономисты часто возвращались к этой теме. Например, М. Я. Лемешев (1987) предлагал сконцентрировать земледелие на меньшей площади, сократив ее на 30% и уйдя из районов рискованного агропроизводства.

В целом можно констатировать заметное нивелирование агроспециализации во второй половине века по сравнению с его началом. Доля регионов в общероссийских площадях посева отдельных культур к 1990-м гг. соответствовала доле этих регионов в общероссийском сборе, что является индикатором низкого уровня товарности. Лишь вклад равнинных северо-кавказских и центрально-черноземных регионов (30% российского валового сбора зерна) в 1,5 раза превышал их долю в посевных площадях зерновых. К концу XX века страна подошла с неудачными попытками самообеспечения регионов и резким сужением зоны избытков хлеба.

Итак, в течение большей части XX века наблюдалось стремление к унификации организации сельского хозяйства. Это не уничтожило внутреннего разнообразия территории, прежде всего влияния на результаты культурологических факторов. Однако после отделения Прибалтики, Белоруссии, Украины с их более благополучным и продуктивным сельским хозяйством основными для России стали территориально изменчивые условия природной и социальной среды. Жизнеспособное колхозно-совхозное сельское хозяйство сформировалось по сути лишь в южных и пригородных районах. Предлагаемые в начале века широтно-меридиональные сетки сельскохозяйственного районирования к концу века несколько усложнились, влияние локальных факторов на сельскую местность, и прежде всего городов, усилилось. Новые пространственные реалии сказываются и на региональных различиях внедрения рыночных механизмов в конце века — нового пришествия капитализма в российскую деревню, о результатах которого — в следующей главе.